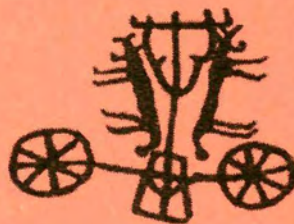

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 168

**РОССИЙСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
2005
обязательный
экземпляр**

Н.В. ШЛЫГИНА

**ФИННЫ-РЕПАТРИАНТЫ
ИЗ БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ**

**Москва
2004**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 168

Н.В. ШЛЫГИНА

**ФИННЫ-РЕПАТРИАНТЫ
ИЗ БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ**

**Москва
2004**

ISBN 5-201-13758-x (29)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 168.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 168

Н.В. ШЛЫГИНА

**ФИНСКИЕ РЕПАТРИАНТЫ
ИЗ БЫВШЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ**

*Работа опубликована в рамках
Программы фундаментальных исследований
Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»*

Об авторе

ШЛЫГИНА Наталья Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Область профессиональных интересов – этнология прибалтийско-финских народов: материальная и духовная культура, семейный быт, миграционный и интеграционные процессы, историография, проблемы устойчивости этнической культуры малых прибалтийско-финских народов и ее современное состояние (язык, религия и самоидентификация).

About the Author

SHLYGINA, NATALIA VASILIEVNA

Doctor of historical sciences, leading researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Her field of professional interests is ethnology of the Baltic peoples from the Finno-Ugric linguistic group: their material and spiritual culture, family life, migrations, integration with other communities, historiography, stability of minority peoples' ethnic cultures and present state of the latter (language, religion, identity).

Summary

SHLYGINA N.V. THE REPATRIATE ETHNIC FINNS FROM THE FORMER SOVIET UNION
IN THEIR HISTORICAL MOTHERLAND

This report is devoted to adaptation of ethnic Finns, who have repatriated from the former Soviet Union, in Finland. The paper is based on studies, carried out during the last decade, and on the author's field materials, collected in Russia in the 1990's and in Finland in 1999-2003. Mostly issues of social support and placing in a job of the repatriate Finns are analyzed, as well as their linguistic problems and processes of integration into the society.

За последние полтора–два десятилетия как в отечественной, так и зарубежной литературе появилось немало исторических, этнографических и социологических работ, посвященных российским финнам. В России это было в известной мере обусловлено активно проявившимся в перестроечный и последующий периоды интересом к судьбам малых народов страны. Особое внимание уделялось тем из них, которые подверглись репрессиям и депортациям в сталинский период правления. К их числу принадлежали и российские финны, которые были реабилитированы лишь в 1993 г.

За рубежом интерес к судьбам российских финнов, как, впрочем, и других финно-угорских народов СССР (позже – Российской Федерации), в наибольшей степени проявляли финляндские ученые. Прежде всего это было связано с вновь открывшейся для них возможностью вести полевые работы на территории нашей страны, которые они достаточно активно проводили в предреволюционный период. Внимание именно к российским финнам у финляндских ученых особенно возросло после того, как весной 1990 г. президент Финляндии Мауно Койвисто издал указ, по которому финны Советского Союза получали право переселения в Финляндию как репатрианты. Это означало признание российских финнов частью финского этноса и давало им возможность въезда в Финляндию на постоянное жительство на льготных, по сравнению с другими мигрантами, условиях. Процесс переселения начал развиваться довольно быстро, чему немало способствовали тяжелые экономические условия, в которых находилось в тот период население Советского Союза. В Финляндии репатрианты столкнулись с немалыми трудностями, связанными с процессом адаптации к социально-экономическим условиям и вхождения в новое общество. Прежде чем рассматривать эти проблемы, следует коротко остановиться на истории появления финнов в России и их дальнейшей судьбе.

По данным переписи 1897 г., в России насчитывалось 122,5 тыс. финнов. Большая их часть – свыше 90 % – была сконцентрирована в Петербургской губернии и самом Петербурге. Около 3 тыс. финнов жило в

это время в Олонецкой губернии; существовала также группа финских переселенцев на Кольском полуострове (в 1897 г. – 1276 чел.)¹. Около 3 тыс. финнов жило в Сибири, преимущественно в Тобольской и Енисейской губерниях.

Петербургские (ленинградские) финны были самой многочисленной группой и представляли собой часть старожильского населения этого края. Основу его составляли финские колонисты, переселившиеся на южное побережье Финского залива и Карельский перешеек еще в XVII в., когда эти земли (как и северо-западное Приладожье) были завоеваны Швецией и закреплены за ней Столбовским миром 1617 г. Из них были образованы две губернии: Ингерманландский лян или Ингерманландия и Кексгольмский лян.

На эти опустевшие в ходе войн земли вскоре началось переселение финских крестьян, преимущественно из юго-восточных частей Финляндии. Миграции способствовали правительственные меры, в первую очередь, освобождение переселенцев от службы в шведской армии. Численность финнов в Ингерманландии быстро росла и к концу XVII в. достигла примерно 22,3 тыс. чел., что составляло тогда 70 % всего населения края. Столь высокий процент пришлого населения был следствием массового исхода из этих мест местного коренного населения (води, ижоры, русских и карел), начавшегося еще в военные годы, а затем принявшего массовый характер в период шведского господства. Он вызывался как ростом эксплуатации крестьян новыми землевладельцами, так и жесткими мерами шведской церкви, направленными на обращение православного старожильского населения в лютеранство. Православные церкви постепенно закрывались, а жители, сохранявшие «старую», «русскую» веру, облагались дополнительными налогами и ущемлялись в гражданских правах².

В ходе Северной войны Россия вернула захваченные Швецией земли, но финские колонисты остались жить в этих местах. Земли Ингерманландского ляна вошли в образованную Петром I Петербургскую губернию и название Ингерманландия исчезло

с карт. Однако оно довольно долго использовалось в официальных документах, а местных финнов традиционно называли ингерманландскими финнами. Они не потерпели каких-либо ущемлений в религиозной сфере, но часть их сильно пострадала в экономическом плане. Царское правительство настойчиво требовало, чтобы дворяне, получившие новые поместья в Петербургской губернии, переводили туда крепостных из своих владений во внутренних районах России: с одной стороны, необходимо было восстанавливать экономику разоренного войной края, с другой – желателен был приток сюда русского населения.

Эта акция проходила достаточно трудно. Русские крестьяне не хотели уезжать из родных мест и бывало, что их гнали в Петербургскую губернию под конвоем. Расселяли их и в районах, занятых финнами, для чего последних нередко целыми деревнями стогнали со своих дворов, предоставляя им новые участки на необработанных землях – пустошах и заболоченных местах. В результате хозяйства финнов потерпели немалый урон, многих крестьян пришлось переводить на оброк. Они уходили по большей части в Петербург, где работали ремесленниками на строительных работах³.

Приток русских крестьян со временем возрастал, так что доля финского населения сильно сократилась, несмотря на его абсолютный рост. По переписи 1897 г., финнов здесь насчитывалось около 100 тыс., но они составляли лишь 15,5 % от всего населения губернии. При этом они концентрировались в основном в восточных уездах, в частности на Карельском перешейке их доля доходила до 45–48 %, в то время как в западных районах процент был невелик: в Ямбургском уезде – 19 %, а в Лужском – всего 0,8 %.

Местные финны в своем быту были относительно изолированы от остальных групп населения. Большую роль в этом играли конфессиональные различия: местное финноязычное население – воль, ижора, карелы, вепсы – было православным, в то время как финны – лютеранами; с русскими их разделял кроме того языковой барьер. Вследствие длительного отрыва фин-

нов-ингерманландцев от мест исхода их традиционная культура имела определенные локальные особенности, в частности сохраняла ряд архаических элементов. Наряду с этим на рубеже XIX–XIX вв. немалая часть финских деревень имела смешанный этнический состав. Кроме того, у многих финских крестьян были постоянные экономические связи со столицей. Благодаря этому культура петербургских финнов приобрела ряд черт, обусловленных русским влиянием. Исторически сложившиеся особенности крестьянской культуры финнов Петербургской губернии позволяют считать их субэтнической группой финского этноса.

Финны устойчиво сохраняли родной язык, чему немало способствовала местная лютеранская церковь, ведущая службу на языке паствы и проводившая обучение молодежи началам финской грамоты. Позже стали действовать и светские школы с финским языком преподавания. Определенную роль в укреплении этнического самосознания местных финнов сыграли идеи национального движения в самой Финляндии и формирование в их среде прослойки интеллигенции, складывавшейся в основном из учителей и выходцев из духовенства.

Финны, жившие в предреволюционные годы в Олонце, были переселенцами другого типа. Как показывают исследования, это были выходцы из ближайших уездов Финляндии, в первую очередь Выборгского, в основном безземельные крестьяне, гонимые нуждой. Поскольку наиболее активно их переселение шло в годы неурожая в Финляндии и было, как правило, временным, то олонцкие финны на 90 % состояли из мигрантов первого поколения⁴. Они работали на промышленных предприятиях, стройках, лесозаготовках или как ремесленники: портными, сапожниками и т.п. Однако большая часть олонцких финнов жила в сельской местности, в городах в то время числилось менее 25 % всех финляндских мигрантов, причем среди них преобладали женщины, которые шли в услужение в богатые дома или работали поденщицами. В годы революции примерно

70 % этого населения вернулось в Финляндию.

Отличным по своему положению и образу жизни было финское население Архангельской губернии, жившее в основном в Кольском и Кемском уездах. Судя по документам, оно появилось там в голодные 1860-е гг. Российское правительство предоставило им ряд льгот при условии принятия российского гражданства. Эти финны обосновывались на постоянное жительство и занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой. Их поселения были в значительной части однодворными, сохранялся типичный для финских крестьян жизненный уклад. Детей учили финской грамоте сами родители, причем в конце XIX в. женщины вообще не знали русского языка⁵.

В Сибири финские поселения возникли первоначально из ссыльных. Известно, что из автономной Финляндии начиная с 1826 г. до 1888 г. (когда положение о ссылке было отменено) в Сибирь было выслано свыше 3 тыс. чел. (как мужчин, так и женщин). Примерно четверть из них составляли люди, приговоренные к каторжным работам за тяжкие преступления. Но жили там и финны, высланные из Петербургской губернии за бунты против своих помещиков. Финские поселения были сосредоточены в основном в Енисейской и Тобольской губерниях⁶.

После революции 1917 г. в Финляндию уехали мигранты из Олонецкой губернии, а также финны, участвовавшие в контрреволюционных военных формированиях. Часть бежавших в Финляндию петербургских финнов (и карел) позже вернулась в родные места⁷.

В 1918 г. в Россию начался приток новых финских иммигрантов – участников потерпевшей в Финляндии разгром революции. Оттуда прибывали целые эшелоны беженцев, некоторых «красных» финские власти просто силой выдворяли через границу⁸. Эти, так называемые «красные финны», были направлены советским правительством в различные регионы России, в частности в сибирские финские поселения, но большинство их сконцентрировалось в

северо-западных районах страны. Многие оставались в Петрограде и Петроградской губернии, значительная часть уехала в Карелию. В Карелии финская диаспора формировалась практически заново. Переписью 1933 г. в Карелии было учтено 13 350 финнов, причем 85 % из них прибыло туда в 1932 г.⁹

Наряду с эмигрантами из Финляндии в Карелию в те же годы приехало значительное число финнов из Северной Америки, где в период «великой депрессии» царил безработица. Переселению их в Карелию содействовала проводившаяся с разрешения официальных властей кампания вербовки в республику квалифицированных кадров из США и Канады, в первую очередь для работы в лесной промышленности. Многие переселенцы искренне верили в возможности нового социалистического общества. Часть их в середине 1930-х гг. вернулась обратно за океан или уехала в Финляндию. В итоге из общего числа послереволюционных эмигрантов к 1935 г. в России осталось свыше 20 тыс. чел. и сосредоточились они преимущественно в Карелии, Ленинградской области и в Ленинграде¹⁰.

Как уже упомянуто, российские финны относятся к числу народов, подвергшихся в годы советской власти массовым репрессиям, которые начались уже в период военного коммунизма в связи с вооруженным сопротивлением финского населения Петроградской губернии политике продразверстки и трудовых мобилизаций¹¹. В дальнейшем финские деревни одними из первых попали под репрессии, связанными с ликвидацией кулачества как класса, поскольку уровень развития крестьянского товарного хозяйства в Петербургской губернии уже на рубеже XIX–XX вв. был весьма высок. По данным правительственных органов 1920–1930-х гг., процент хозяйств, которые можно было причислить к кулацким, был у финских (как, впрочем, и у эстонских и немецких крестьян) выше, чем у русского населения края. Наряду с этим определенная изолированность финских крестьян, связанная с их языковой и конфессиональной принадлежностью, так-

же вызывала недоверие местных властей. Эта проблема неоднократно обсуждалась на различных заседаниях ленинградских партийных и правительственных органов власти. Раскулачивание финских крестьян сопровождалось расстрелами и высылками, причем нередко члены одной семьи попадали в разные районы Сибири, Средней Азии и другие отдаленные места. По воспоминаниям самих финнов, в некоторых районах, например, окрестностях Токсова, крестьян выселяли только за отказ вступать в колхоз. В результате такой политики многие финские деревни перестали существовать¹². Не миновали российских финнов и репрессии 1937 г., обрушившиеся как на городское, так и на сельское население, в частности и на руководящих финских работников, в первую очередь, Карелии и Ленинграда.

Наряду с этим финское население страдало также от различных дискриминационных постановлений и указов, связанных с их национальной принадлежностью. В определенной мере они были вызваны тем, что отношения между Советской Россией и Финляндией «не сложились» с самого начала, несмотря на то, что последняя после установления советской власти, в конце 1917 г., по указу, подписанному Ульяновым-Лениным, получила право на отделение и независимость. В первые годы советской власти независимая Финляндия поддерживала, чаще на неофициальном уровне, антисоветские вооруженные восстания в Карелии, а также попытки некоторых районов Карелии отделиться от России и войти в состав Финляндии и т.п. Декларируемый Финляндией лозунг, что именно она представляет ту стену, которая спасает западный мир от коммунизма, также не слишком способствовал налаживанию добрососедских отношений между двумя новыми государствами. Кроме того, у значительной части российских финнов были родные и близкие в Финляндии, в том числе ушедшие туда в годы революции и гражданской войны, что усиливало подозрительность властей по отношению к финскому населению Союза.

Со всем этим были связаны предприятия в 1930-е гг. акции по «очищению» приграничных с Финляндией районов от «ненадежных элементов». Из этой полосы, определенной сначала в 50, затем в 100 км, финское население, в первую очередь, на Карельском перешейке, было выселено во внутренние области страны: в Новгородскую, Вологодскую и Архангельскую и др. В итоге, по подсчетам историков, за годы коллективизации из Ленинградской области было выслано около 18 тыс. финнов, а в ходе «очищения» приграничной полосы в 1935–1936 гг. переселено еще 26–27 тыс.¹³

Не менее тяжелые удары пришлось пережить российским финнам в годы Отечественной войны. Уже летом 1941 г. более 60 тыс. финского населения оказалось на оккупированной немцами части Ленинградской области. Сколь быстрым было наступление немцев в этом регионе, рассказала, в частности, одна из наших респонденток-финок.

Их семья уже собралась своими силами уходить на восток, вещи были упакованы и погружены на телегу. В последний момент мать послала двух младших сыновей, братьев рассказчицы, в соседнюю деревню, узнать, собралась ли к отъезду их тетка. Когда мальчики бежали по дороге, их остановили красноармейцы, ехавшие на грузовике, и сказали, что та деревня уже занята немцами. Они взяли мальчишек на машину и привезли в Ленинград, где жила одна из их теток. В результате мать и сестра так и не успели уехать из деревни до прихода немцев. Позже их увезли в Финляндию вместе со всеми местными финнами. Мальчиков удалось найти только после войны, когда мать вернулась в Союз: они чудом выжили в голодном Ленинграде, позже были вывезены оттуда с детьми одного из детских домов, куда их отдала тетка, надеясь спасти от голодной смерти.

Оставшиеся на оккупированной территории люди оказались в самом пекле военных действий. При этом немцы пытались использовать местное население на подсобных работах: например, гоняли молодежь расчищать от снега дороги, иногда прямо под обстрелом немецких же самолетов. Кроме того, в оккупированной зоне сложи-

лось трагическое положение с продовольствием: часть посевов погибла, имевшиеся у населения припасы забрали немцы. Следует сказать, что немецкое командование имело свои планы относительно Ленинградской области: по окончании «победоносной» войны третий рейх должен был создать здесь особую укрепленную зону (Siedlungsmark Ingermanland), заселенную только благонадежными немцами из спецотрядов и крестьянских отрядов самообороны¹⁴.

«Очищать» эту территорию от местного населения было решено начать незамедлительно, в ходе войны. Учитывая, что среди него было немало финнов-ингерманландцев, немецкое командование уже в конце 1941 г. повело переговоры с финляндским правительством об их эвакуации в Финляндию. При этом немцы неоднократно подчеркивали, что в противном случае этих людей просто ждет голодная смерть – ситуация с продовольствием была командованию хорошо известна. Немцы предлагали Финляндии принять примерно 50 тыс. ингерманландцев¹⁵.

Однако на первом этапе переговоры зашли в тупик. С одной стороны, Финляндия проявляла желание оказать гуманитарную помощь соплеменникам. Среди финляндских представителей, входивших в комиссию по эвакуации, были люди, считавшие своим долгом помочь финнам-ингерманландцам. В документах, относящихся к их эвакуации, достаточно четко отражалась и другая немаловажная причина предполагаемой акции: Финляндия испытывала острую нужду в рабочих руках. И все же Финляндия опасалась принять российских финнов. Вопрос этот упирался в причины политического характера. Официально Финляндия ссылалась на невозможность обеспечить предполагаемых переселенцев продовольствием и другими необходимыми условиями жизни, но в основе отказов крылись опасения коммунистических настроений переселенцев. В данном случае нет возможности остановиться на всех перипетиях переговоров и действиях финляндских и немецких властей, длившихся почти два года. Они детально изложены в работе

финского историка П. Невалайнена; есть краткие сведения об этом и в ранее опубликованной нами статье¹⁶. В итоге все же было принято решение об эвакуации финнов-ингерманландцев в Финляндию. (Одним из более ранних и отвергнутых Финляндией было предложение вывезти их на оккупированные финскими войсками земли Карельской АССР¹⁷).

Еще в июле 1942 г. примерно 12 тыс. жителей оккупированной немцами зоны были вывезены в Эстонию, где они по большей части были распределены по крестьянским дворам, нуждавшимся в рабочих руках. Затем началась подготовка к эвакуации местных финнов в Финляндию. Первоначально она планировалась как добровольная акция и желающие уехать должны были заполнить соответствующую анкету. Подававшие заявку не имели при этом понятия, что по планам немецкого правительства они навсегда теряли право на возвращение в родные места. Позднее некоторые из наших респондентов рассказывали, что их добровольное согласие на эвакуацию определялось тем, что выбора практически не было: или отъезд или гибель от голода и военных действий – из-за бомбежек и артобстрелов они сутками не могли выходить из своих земляных убежищ.

Организация эвакуации шла в жестких формах: людей собирали в нескольких лагерях, где держали под охраной за колючей проволокой и на голодном пайке.

Одна из наших респонденток рассказывала, что ее дядя, оказавшийся в таком лагере, был застрелен охранником при попытке выбраться за проволоку: по ночам люди выбирались за ограду и собирали на окрестных полях остатки картошки и капусты, чтобы не умереть с голоду.

Переговоры об эвакуации финнов затянулись и, поскольку ко времени принятия решений немцы под натиском советских войск уже начали отступать, немецким командованием было принято решение удалить с оккупированной территории все население поголовно. При этом предполагалось, что финны, а также и желающие ижорцы и вожане будут вывезены через

Эстонию в Финляндию, тогда как русское население (и те из води и ижоры, кто примкнет к ним) должно будет уходить через Эстонию в южные районы по направлению к Литве¹⁸.

Следуя тактике «выжженной земли» немцы, отступая, проверяли все дворы, забирали и гнали людей на запад, сопротивлявшихся расстреливали на месте. Лишь незначительная часть жителей сумела спрятаться в лесу.

Отъезжавшие в Финляндию, по рассказу одной из финок, должны были собираться на железнодорожных станциях. Прийти к поезду следовало со всем имуществом, которое брали с собой, а также привести скотину и домашнюю птицу. Когда они пришли к станции, где уже стояли товарные вагоны, была дана команда привязать коров к ближайшим деревьям, а кур у них просто отобрали. Затем их посадили в вагоны и они под рев своих коров, заливаясь слезами, поехали на запад. Многим жителям западных районов Ленинградской области из-за нехватки транспорта пришлось идти в Эстонию пешком.

Всего в Финляндию было вывезено 63 тыс. чел., основная масса которых работала там в крестьянских хозяйствах, на дорожных работах и т.п. Лучше устроились те, кто нашел в Финляндии своих родственников, они имели нормальные жилищные условия и могли сами подыскать себе работу.

После перемирия с СССР, заключенного Финляндией сепаратно весной 1944 г., все советские граждане, находившиеся в тот момент на ее территории, должны были быть возвращены на родину. В Финляндии осталось примерно 8 тыс. российских финнов: некоторые женщины успели выйти замуж за финляндских граждан, кто-то остался у своих родственников. Немало было людей, которые, пережив в Союзе годы репрессий, боялись вернуться, считая, что попадут в лагерь¹⁹. В особой ситуации оказались те, кто, попав в плен или будучи на оккупированной территории, вступил в особый 3-й финляндский батальон «сплемеенников» (heimopataljoona) и воевал против советских войск. Части из них в экстренном порядке было дано финляндское гражданство, других нелегально через ор-

ганизованную цепочку связных переправили в Швецию. Но подавляющая часть финнов (свыше 90 %) вернулась в Союз.

По рассказам наших респондентов, они стремились «домой». Одна группа молодых женщин написала письмо на имя Сталина с просьбой помочь им вернуться на родину. Девушки даже ездили в Хельсинки, чтобы поговорить об этом в советском посольстве. Но у охранявшего вход солдата был такой грозный вид, что они не решились к нему обратиться и вернулись ни с чем.

При опросах наши респонденты объясняли свое стремление вернуться в Союз тем, что там «был их дом»; у многих там оставались близкие родственники, которых они надеялись найти. Уже в Ленинграде, где разветвляются железнодорожные линии, люди поняли, что их везут мимо родных мест. В набитых людьми вагонах-теплушках стоял плач.

Расселили возвратившихся финнов в заранее определенных местах, по большей части в Калининской, Вологодской, Смоленской, Новгородской областях и др. Наряду с этим была проведена еще одна репрессивная, ничем не обоснованная акция: парней призывного возраста выслали в трудовые лагеря за уклонение от призыва, несмотря на то, что в начале войны они были еще непризывного возраста, а позже не имели возможности явиться в военкоматы.

Судьбы большинства финнов, которые во время войны находились на территории Советского Союза были просто трагичными. Как лица, принадлежавшие по национальности к населению воюющей с Союзом страны, они (как и российские немцы) были депортированы. Во время Второй мировой войны интернирование по национальному признаку проводилось и в других воюющих странах: интернировали немцев в Великобритании, японцев в США. Но в СССР интернирование проводилось в совершенно бесчеловечных формах. Финнов в массовом порядке вывезли в районы Крайнего Севера, высаживая их с пароходов буквально на пустом месте. При этом люди не имели подходящей для местных условий одежды, снабжение продовольст-

вием было, мягко выражаясь, скудное, медицинская помощь отсутствовала.

По рассказу одной из финок, переживших эту депортацию, их высадили на берег в низовьях Енисея. Поначалу они жили в шалашах, которые устроили себе из лапника. Была осень, шли дожди, одежда, которую они хранили в мешках, промокла. Люди умирали от холода, голода и болезни, а также непосильной работы. Когда им привезли строительные материалы, они сами сгружали лес с барж и сами строили себе бараки под руководством присланных бригадиров.

Финнов, которые с начала войны был в рядах Красной Армии, «изъяли» из воинских частей и перевели в специальные трудовые колонны НКВД.

Следует коротко остановиться и на том, как складывались судьбы российских финнов после окончания войны. Депортированным в военные годы финнам еще некоторое время пришлось провести в лагерях, затем они получили определенную возможность передвижения, однако только в 1956 г. им стали выдавать «чистые» паспорта. Часть из них к этому времени более или менее устроила свою жизнь: работали в сибирских городах, их дети вступили там в брак и т.д. Однако у многих, в первую очередь у людей старшего поколения, жило неугасающее стремление вернуться в родные места, хотя было известно, что поселиться там почти невозможно. В 1950-е гг. значительная группа финнов уехала в Карелию, что было санкционировано советским правительством, поскольку разоренная войной и оккупацией республика ощущала сильнейшую нехватку рабочих рук, особенно в сфере лесной промышленности.

Немалая часть финнов уехала в Эстонию, где у некоторых из них были родственники, в том числе и из тех, кто попал туда во время войны. Стремилась переехать в родные места и финны, возвращенные из Финляндии и расселенные во внутренних районах России. Последним было разрешено, хотя и не сразу, вернуться в Ленинградскую область, но лишь в том случае, если там сохранились их дома. Особенно трудно было людям из западных частей

Ленинградской области, где много деревень во время войны было сожжено. Однако в 1950-е гг. нам приходилось видеть там и пустующие финские деревни, в которых дома постепенно разрушались от времени.

Перепись 1989 г. достаточно четко показала картину расселения российских финнов. Наибольшая их группа жила в Карелии – 18 400 чел., немногим меньше в Ленинградской области – 11 800 чел. и в Ленинграде – 5500 чел. Почти такое же число финнов обосновалось в Эстонии – 16 тыс. Почти четверть финнов была рассеяна небольшими группами по всему Союзу, от Новгорода до Сахалина. Из этих 15 тыс. финнов самая большая группа – 905 чел. – насчитывалась в Красноярском крае, самая маленькая – в Ростовской области – 118 чел.

Таким образом, в момент опубликования Финляндией декларации о праве вернуться на свою «историческую родину» российские финны представляли ряд рассеянных групп, хотя большая их часть концентрировалась в северо-западном регионе страны. Это не было уже то, в подавляющем числе крестьянское население, каким были финны в 1920-е гг. Теперь большая их часть жила в поселках и городах, работали они в самых различных областях хозяйства и культуры. Многие семьи были смешанными, но и в чисто финских семьях дети нередко были записаны русскими. Младшее поколение по большей части плохо знало или вообще не знало финского языка, что объясняется длительным проживанием в иноэтничной среде и отсутствием финских школ. По переписи 1989 г., лишь 30 % финнов назвали родным языком финский. Незнание финского языка было, вероятно, самой серьезной проблемой, с которой столкнулись финляндские власти при приеме репатриантов (по-фински *paluumuutajat*) из Советского Союза.

* * *

С начала 1990-х гг. с территории бывшего Советского Союза в Финляндию, по оценочным данным, въехало 25 тыс. репатриантов, из них значительная часть – с

семьями²⁰. Поначалу финляндские власти оказались неподготовленными к «возвращению» финнов. Оно шло почти стихийно: люди приезжали в Хельсинки (часто с туристической визой) и направлялись в управление полиции, с тем, чтобы получить вид на жительство. Перед управлением возникли огромные очереди, в которых были и старики, и дети. Зачастую люди не имели никаких денежных средств даже на первые дни²¹. Кроме того, у некоторых репатриантов в паспортах была указана русская национальность.

Для упорядочения приема было быстро принято решение (осень 1992 г.), что для въезда в Финляндию на правах репатрианта человек должен получить разрешение в консульстве по месту жительства. Туда следовало представить документы, подтверждающие его финское происхождение: по крайней мере один из его родителей или двое из дедов и бабок должны были быть финнами. Необходима была и личная метрика. Получивший разрешение на въезд репатриант имел право взять с собой супруга(у) и детей, не достигших 18-летнего возраста.

По прибытии в Финляндию репатриант получал статус иммигранта А-1 или А-2. Первый статус присваивался тем, кто сам или его родители имели ранее финляндское гражданство, второй – тем, кто был «финном по происхождению», что относилось почти ко всем переселенцам из Советского Союза. Финляндское гражданство репатриант мог получить после 5 лет непрерывного проживания в стране. (Весной 2003 г. был принят закон о праве на двойное гражданство, если таковое признаёт и страна выезда). Репатриант получал право на временное пребывание в стране сроком на 1 год, после чего он мог получить разрешение на постоянное жительство, если приходил к решению остаться в стране. Новые правила позволили в какой-то мере затормозить и отрегулировать поток репатриантов.

Уже в первые 5 лет после президентского указа в страну прибыло 13 тыс. человек. Выбор ими места поселения был свободным и совершенно понятно, что основная масса приехавших оседала в столице и ее

окрестностях, а также ряде крупных городов, таких как Турку, Тампере и др. Стоит отметить, что те из репатриантов, которые в военные годы вывозились в Финляндию, часто ехали теперь в уже знакомые места. Так, в г. Раума во время войны работало 967 финнов-ингерманландцев, после перемирия они все вернулись в Союз. Из их числа репатриировались в Финляндию 200 человек, и все они выбрали местом жительства Рауму.

Дальнейшие события показали, что система приема репатриантов из Союза требовала еще существенной доработки, но важнейшей проблемой в первую половину 1990-х гг. было их материальное обеспечение и трудоустройство. Решение ее оказалось более сложным, чем предполагалось изначально, прежде всего потому, что в стране изменилась экономическая ситуация. В момент решения М. Койвисто о приеме российских финнов она была благоприятной и в стране существовала потребность в рабочих руках. К этому времени в Финляндию из Швеции вернулось значительное число финнов, выехавших туда в тяжелые послевоенные годы в поисках лучших условий жизни. Их трудоустройство прошло без проблем; представлялось, что потребность в рабочих руках будет возрастать и в дальнейшем. Однако эти прогнозы не оправдались: с начала 1990-х гг. начался резкий спад экономики, который некоторые специалисты рассматривали как наиболее тяжелый за все годы существования республики. В середине 1990-х гг. в Финляндии насчитывалось огромное число безработных – до 20 % трудоспособного населения. Значительную их часть государство обязано было обеспечивать пособиями.

Прием репатриантов шел за счет госбюджета: людей следовало на первом этапе прибытия обеспечивать жильем и каким-то минимумом средств к существованию. Естественно, что их прием лимитировался возможностями государственного бюджета; он был определен в 2 тыс. чел. в год.

Установленные нормы предусматривали обеспечение репатрианта бесплатным жильем в первые 6 месяцев и денежным пособием в размере народной пенсии, т.е.

пенсии по возрасту (*kansaneläke*) в течение 5 лет. Учитывая, что среди репатриантов было немало людей пенсионного возраста, для них такое обеспечение было фактически бессрочным. В отличие от некоторых других стран, практические заботы и материальное обеспечение репатриантов ложились на плечи той коммуны (муниципалитета), где он поселялся, хотя затем денежные расходы возмещались из государственного бюджета.

Вопрос первоначального обеспечения репатриантов жильем был решен достаточно оперативно. Так, в Хельсинки, куда поначалу прибывали переселенцы, для них отвели дома типа общежитий. Некоторые жили в больницах (Мейлахти, Аурора) в помещениях, предназначенных для обслуживающего персонала. Им выделяли комнаты по принципу – одна на семью независимо от ее численности, а для одиночек – одна комната на двоих. Как не без юмора отметил один из опрошенных – «последним было еще теснее». Кухни и санузлы были общими на весь коридор, что представляло, разумеется, немало неудобств. Затем люди должны были сами подыскивать себе жилье в частном секторе или муниципальных домах (в последних оплата помещений была дешевле).

Таким образом, по прибытии репатриант имел крышу над головой и небольшие средства на жизнь. Прибывшим работники Министерства иностранных дел и социальных служб сразу же давали консультации об их правах, принципах трудоустройства, системе медицинского обслуживания, нормах получения образования и т.д.

Уже при этих встречах репатриантов с чиновниками серьезной проблемой стала языковая. Даже люди старшего поколения, знавшие финский язык с детства, как правило, не владели новой лексикой. Информация чиновников плохо усваивалась еще и потому, что речь шла о совершенно иной социальной системе, чем та, к которой они привыкли в Союзе.

В 1996 г. Финляндия, исходя из опыта работы с репатриантами из бывшего СССР, ввела более жесткие нормы их приема, которые должны были облегчить адаптацию

переселенцев в Финляндии. Теперь при подаче ходатайства о репатриации наряду с документами о финском происхождении следовало иметь также свидетельство о прохождении курсов финского языка (в объеме 170 часов) и цикла лекций, знакомящих с системой социального обеспечения в Финляндии. Правда, это касалось только тех, кто выезжал из Эстонии, а также – через С.-Петербург и Петрозаводск. Те, кто ехал через Москву, таких курсов не проходил. Как показало время, организованное обучение было недостаточным и, по решению парламента (4 января 2003 г.), с конца 2003 г. репатрианты должны для получения права на въезд проходить языковые тесты. Эти требования не касаются членов семьи выезжающего²².

Кроме того, уже с 1996 г. при подаче заявления следовало указывать, в каком муниципалитете репатриант хотел бы поселиться. Это позволяло властям, как центральным, так и местным, регулировать расселение репатриантов, избегая «перегрузки» отдельных регионов, исходя прежде всего из возможностей их трудоустройства, и заранее планировать необходимые расходы в бюджете. Но для репатриантов это нередко означало длительные сроки ожидания, растягивающиеся на несколько лет.

Сейчас, по прошествии более чем десятилетия с момента появления первых репатриантов из бывшего Советского Союза, порядок их приема и первоначального обеспечения стал уже достаточно организованным и разработанным. За это время были сняты многие вопросы и разрешены первоначальные трудности. Однако и сегодня нельзя говорить о том, что репатрианты легко входят в финляндское общество и что у них не возникает новых проблем.

В порядке некоторого отступления следует заметить, что наряду с теми сложностями, которые были связаны с жизнеобеспечением и адаптацией репатриантов к иной социальной системе, они столкнулись и с не слишком благожелательным отношением к ним общества. Это довольно активно проявилось сразу после опубликова-

ния указа президента Койвисто. Многие считали необоснованным рассматривать финнов-ингерманландцев как часть финского этноса. В широких кругах общественности весной 1990 г. вопрос о том, можно ли считать приглашенных президентом российских финнов действительно финнами, обсуждался достаточно бурно и в обществе, и в прессе. Автору довелось слышать такие дискуссии даже в гостинице во время утреннего завтрака, причем в них принимали участие многие из присутствующих.

В Финляндии, как в повседневной жизни, так и в литературе, финнов Ленинградской области называли «инкерилэйсет» (*inkeriläiset*), т.е. жителями Ингрии. Сами финны, переселившиеся в XVII в. на южное побережье Финского залива и южную часть Карельского перешейка (тогда шведская губерния Ингерманландия), именовали себя по названиям мест своего исхода – эвремейсами (*ävrämöiset*) и савакосцами (*savakot*). В прошлом эти группы несколько различались и диалектами, и некоторыми бытовыми традициями, но с течением времени в употребление вошел единый этноним – финны (*suomalaiset*) – понятие о своей единой этнической принадлежности выступило на передний план.

Так, если в середине XIX в. П. Кёппен записывал их еще как эвремейсов и савакосцев, то в российской переписи 1897 г. они все назвали себя финнами, как и в последующих переписях, проводившихся уже после революции. При наших опросах многие говорили, что слово «инкерилэйнен» они впервые услышали в Финляндии. Там действительно этот термин настолько был нормой, что даже люди, считавшие себя компетентными в этих вопросах, писали в годы перестройки, что Россия в 1993 г. забыла реабилитировать значительную часть финнов, так как в документ не включены ингерманландцы²³. Правда, серьезные финские специалисты, такие как П. Невалайнен и П. Такало, негативно относились к использованию термина «инкерилэйнен», считая это понятие не этническим, а географическим, которое может употребляться по отношению к любому жителю этой территории. Официально, в указе М. Койвисто

был использован термин не «инкерилэйсет», а «инкеринсуомалайсет», что соответствует термину «ингерманландский финн» или «финн-ингерманландец».

В негативной реакции части финского общества на новых репатриантов отразилось, конечно, и то обстоятельство, что прибытие значительной массы переселенцев пришлось на годы, когда в стране разразилась безработица.

Проблемы, связанные с положением репатриантов в новом обществе, стали темой изучения, как со стороны официальных служб страны, людей, непосредственно занятых задачами их жизнеобеспечения, так и социологов, этнологов и ученых других отраслей науки. В результате появилось немало публикаций, анализирующих различные аспекты этих проблем.

Рассматривая далее ситуацию с репатриантами из бывшего СССР в Финляндии, мы опираемся как на эту обширную литературу, так и на материалы опросов, проведенных среди репатриантов, в частности, Унельмой Конкка, которая опубликовала ряд таких интервью в журнале Карелия (*Carelia*). Мы также вели в течение ряда лет (1999, 2001–2003 гг.) опросы репатриантов при Ингерманландском центре (*Inkerikeskus*) в Хельсинки²⁴.

Финляндские исследователи, занимались, в первую очередь, двумя проблемами – организацией жизнеобеспечения переселенцев и уровнем их адаптации в финляндском обществе; отчасти и вопросами их этнической самоидентификации. Положение репатриантов анализировалось с учетом их принадлежности к различным возрастным группам, которое было не одинаковым для людей трудоспособных возрастов, пенсионеров и детей, как школьного, так и дошкольного возраста.

Опросы людей старшего возраста проводились финляндскими исследователями довольно широко, причем не только среди репатриантов в Финляндии, но и финнов, живших в Эстонии и Ленинградской области²⁵. Опросы последних показали, что большинство пожилых респондентов не стремилось к переезду, но их вынуждали к этому жизненные обстоятельства. У одних

уезжали в Финляндию дети, других подталкивали бытовые трудности. Жившие в деревнях пенсионеры уже не имели сил справляться с домашним хозяйством (топкой печей, ношением воды из колодца), не говоря о том, что на мизерную пенсию, которую часто и не выплачивали, прожить было невозможно.

В Финляндии репатрианты пенсионного возраста не имели права на трудовую пенсию, а выдаваемое пособие (в средних нормах народной пенсии) обрекало их на весьма скромное существование. В сентябре 2002 г. парламент принял решение, по которому репатрианты, достигшие 65 лет, а также нетрудоспособные лица, прожившие в стране не менее 5 лет, получают социальное пособие не через муниципалитеты, а непосредственно из государственного бюджета, как и финские пенсионеры. При этом максимальный размер пособия равен полной народной пенсии²⁶.

Живя по прибытии в общежитиях и временных квартирах, пенсионеры подыскивали себе в дальнейшем место по большей части в домах для престарелых, особенно одинокие, которых было около половины среди людей старшего возраста. Дома для престарелых существуют в Финляндии двух основных типов: дома для престарелых (*vanhustalo*), которые принимают по большей части людей, нуждающихся в повседневном обслуживании и медицинском наблюдении, и так называемые «дома обслуживания» (*palvelustalo*). В последних обязательна только оплата помещения, за отдельную плату можно получать еду из столовой, а также вызывать помощниц для уборки помещения, покупок продовольствия, стирки и т.п. Опросы показали, что в них старики-репатрианты обходились, как правило, своими силами, лишь в одиночных случаях отдавали в стирку белье. Некоторым помогали их дети, жившие также в Финляндии, а к одному из одиноких стариков время от времени приезжал даже сын из Таллина и делал накопившуюся тяжелую работу: мыл окна и т.п. Часть пенсионеров, особенно супружеские пары, подыскивали недорогие квартиры в восточных частях города, где шло

большое муниципальное строительство, или даже в микрорайонах за пределами Хельсинки (в Эспо, Ванта и т.д.).

Большинство пенсионеров при вопросах о трудностях в их быту говорило о дороговизне: особенно это относится к медицинскому обслуживанию и городскому транспорту. В этой связи можно заметить, что распространенные в те времена на бытовом уровне разговоры об очень плохом физическом состоянии прибывавших в страну репатриантов-стариков не подтвердились при проводимых врачами обследованиях: в целом оно соответствовало возрастным нормам²⁷. Наряду с этим старики-репатрианты, по данным опросов середины 90-х гг., плохо ориентировались в финляндской системе медицинского обслуживания и обращались к врачам преимущественно в связи с необходимостью обследования для получения права поселиться в том или ином доме для престарелых. По рассказам, они часто не покупают прописанных им лекарств из-за их дороговизны²⁸.

В целом пенсионеры придерживаются системы строгой экономии во всем. Так, некоторые ходят в столовые Армии спасения, где раз в неделю можно бесплатно пообедать, иногда там раздают и бесплатные продукты. Одежду покупают на распродажах или на «блошиных рынках». Некоторые покупают дешевую одежду и для своих родных, оставшихся на старых местах проживания.

Как правило, репатрианты не принимают участия в различных мероприятиях, организуемых при домах для престарелых, например, экскурсиях, так как они платные. Кое-кто говорил, что не ходит даже в церковь, так как пешком идти далеко, а ехать – дорого. Городской транспорт в Хельсинки действительно очень недешев: в 2003 г. проезд на трамвае без пересадки (т.е. самый дешевый вариант) стоил 1,2 евро²⁹.

Заметим, что тем, кто отказывается от пенсии, заработанной по старому месту жительства, дотация в Финляндии несколько увеличивается. Но большинство предпочитает ее сохранять, чтобы использовать эти деньги для поездок «домой», часто ее оставляют живущим там родственникам.

При поездках «домой» там покупают более дешевые, чем в Финляндии, лекарства и некоторые другие товары. Очевидно, после вступления Эстонии в ЕС для репатриантов из этой республики такая возможность экономии отпадет.

Некоторые из более молодых и крепких пенсионеров могут иногда немного приработать к дотации: женщины до 60 лет вообще не относятся в Финляндии к пенсионерам и их берут на работу там, где не хватает рабочих рук. В Инкери-кескус репатриантам дают возможность поработать в самом Центре. Конечно, рабочих мест там немного и работа предоставляется временно, на несколько месяцев, но все же это – реальный доход. Некоторые работают на обслуживании самого Центра – сторожами, уборщицами.

Иногда это была даже работа по специальности: так, в небольшой и очень дешевой столовой Центра работала финка из Эстонии, повар высокой квалификации: в Тарту она была сначала поваром в лучшем в свое время ресторане «Волга», потом перешла в очень хорошую столовую на Ратушной площади. Позже в столовой Центра работал мужчина, также явно имевший специальную подготовку. Было совершенно очевидно, что они не просто «подрабатывали», но и с удовольствием занимались своим делом и общались с окружающими. Одна из наших респонденток, имевшая театральное образование, вела там (также временно) работу по подготовке различных празднеств и выступлений ансамблей, любительских спектаклей финнов-ингерманландцев и т.п.

Как следует из опросов, контакты подавляющей части людей старшего поколения, несмотря на их владение финским языком, ограничиваются лишь родными и знакомыми из числа репатриантов, например, теми, кто жил на первом этапе вместе с ними в одном общежитии; у некоторых есть друзья из числа их бывших односельчан³⁰. Характерно, что семейные контакты у пенсионеров, живущих в Хельсинки и имеющих там детей, очень тесные: почти половину опрошенных дети посещают каждый день, треть – раз в неделю.

Контактов с «коренными» финнами, по результатам опроса, у людей старшего по-

коления почти нет. С одной стороны, их и негде завязать. Те немногочисленные места, где происходят встречи, не ведут к развитию общения. Например, посещающие церковь рассказывали, что знакомились там с местными финнами, но этим дело и ограничивалось. Репатрианты признавались, что и сами они к таким контактам не стремятся, в ряде случаев им приходится сталкиваться с недоброжелательным отношением к себе даже в магазинах, поскольку их «выдает» ингерманландский диалект.

В целом пенсионеры говорили о своей удовлетворенности переездом. Несмотря на скудные средства, материальное положение стало лучше, чем в Союзе, к тому же за свою жизнь они приучились довольствоваться малым. Жаловались они только на тоску по родным местам и оставшимся там родственникам и друзьям.

Гораздо сложнее обстояло дело в 1990-е гг. с репатриантами работоспособного возраста. Финляндские исследователи писали, что только самые первые переселенцы устроились на работу без особых трудностей. Это были в основном люди из Эстонии, хорошо знавшие финский язык и высокой профессиональной квалификации³¹. Несомненно, они были и лучше осведомлены об условиях жизни в Финляндии, отчасти потому, что Эстония хорошо принимала радио- и телепередачи из Финляндии. Кроме того, благодаря легкости поездок туда, у некоторых репатриантов наладились деловые контакты и они приезжали, уже имея договоренность о работе. В начале 1990-х гг. еще не так ощутима была и безработица в стране.

Затем поток переселенцев численно возрос, а возможности трудоустройства сильно сократились. К тому же стало очевидным, что получение работы затрудняется также недостаточным знанием репатриантами финского языка и различиями в профессиональной подготовке. В некоторых случаях разница в подготовке происходила из-за слабого развития в Союзе современной технологии в некоторых отраслях производства. Кроме этого, у людей с дипломами высшего и специального обра-

зования «набор» предметов, которые они изучали дома, отличался от обязательного в таких же финляндских учебных заведениях.

Были предприняты попытки найти формы решения этих проблем: организовывались разного типа курсы для изучения или повышения уровня знания финского языка, а также курсы профессионального обучения и повышения квалификации, чтобы ликвидировать лакуны в образовательной подготовке приезжих. По данным 2001 г., на курсах профессионального обучения взрослых стажировалось свыше 2 тыс. иностранцев. Было налажено, в частности, обучение для работы в сфере общественного транспорта, металлообработки, уборки. Такие же курсы были открыты для врачей, преподавателей и научных работников³². Люди с высшим образованием имели возможность поступить в высшие учебные заведения Финляндии, чтобы получить финляндский диплом – для этого требовалось, конечно, соответствующее знание финского языка³³. Однако обучение на курсах редко помогало решить проблему трудоустройства. Окончивший их должен был пройти еще двухмесячную стажировку на соответствующем профильном предприятии или в учреждении, при этом ему выплачивалось жалование из государственных фондов. Стажеров принимали на работу охотно, так как для работодателя это был практически бесплатный работник. Но, как правило, через два месяца выяснялось, что свободного штатного места нет, и стажер опять оказывался в числе безработных. При опросе работодателей в период низкой экономической конъюнктуры обследующие нередко слышали такое объяснение: «Репатрианты – это “не наши”, а работу в первую очередь нужно давать “своим”»³⁴. В 1996–1997 гг. половина трудоспособных репатриантов вообще не имела работы, а часть перебивалась временными заработками, работая по два–три месяца. Легче было найти работу, не требующую специализации, в частности, уборщиц и санитарок в больницах, где из-за низкой оплаты этого тяжелого труда, как правило, не хватает людей.

Один из репатриантов, переехавший в Иматру, в муниципалитет приграничный с Россией, сказал, что готов уехать обратно, где он смог бы работать, а на конец недели приезжал бы в Финляндию к семье. Уже в середине 1990-х гг. было известно, что некоторые из репатриантов вернулись домой, хотя статистических данных об этом нет³⁵. Особенно тяжело переносят безработицу молодые мужчины.

По словам одного из опрошенных (мужчина 35–39 лет) «жизнь теперь понемногу наладилась, дети ходят в школу, есть жилье, деньги на прожитие. И если бы была работа... все хотели бы получить больше денег, но для нас важна работа...»³⁶.

Обследования, проведенные в 1997 г. в четырех городских муниципалитетах страны (Хельсинки, Ювяскюля, Лапеевранта и Иматра), показали, что в некоторых семьях репатриантов, где мужчины оказались безработными, разрушались нормальные внутрисемейные отношения: мужчины начинали пить, бить жен и т.д.

С началом стабилизации экономики положение с трудоустройством репатриантов, которые, в свою очередь, в какой-то степени приспособились к жизни в новом обществе, в определенной мере улучшилось, но тем не менее проблема безработицы не может считаться решенной. В отчете Временной рабочей группы при Совещательной комиссии по этническим отношениям за 2002 г. выделен особым разделом (3.1.3) вопрос о дискриминации при трудоустройстве. Препятствиями для приема на работу служат по-прежнему отсутствие подтверждения диплома (это дорогая и длительная процедура), сложности с повышением квалификации и недостаточное знание языка. Упоминается также и определенная предвзятость предпринимателей. При высоком образовательном цензе русскоязычного населения (у 60 % – неполная средняя школа, 20 % – полное среднее образование или среднее профессиональное и у 20 % – высшее образование) 22 % остается без работы³⁷.

Третьей группой в составе репатриантов были дети разных возрастов – от дошколь-

ников до подростков, уже закончивших на местах прежнего проживания то или иное количество классов в школах с преподаванием на русском или эстонском языке. По финляндским нормам обязательным считается 9-летнее образование. Причем после обучения в средней школе (*peruskoulu*) ученик может выбирать: продолжать обучение в гимназических классах (*lukio*), позволяющее ему затем поступать в высшее учебное заведение, или идти в профессиональные школы для получения среднего специального образования.

Разумеется, для поступления в школу в Финляндии необходимо в определенной мере знать финский язык, и дети, как правило, проходят подготовку на организованных для этого разного рода курсах. Детей и подростков можно встретить даже на языковых курсах при Инкери-кескус, куда они приходят учить финский язык вместе с родителями. Усвоению финского языка способствует и окружающая среда – радио, телевидение, реклама на улице, речь людей в общественных местах.

Найти школу, где руководство согласно принять плохо владеющих финским языком учеников, – непростое дело. Одна группа подростков рассказывала, что они обошли в Хельсинки три района, прежде чем нашли школу, где их приняли³⁸. Попав в класс, ученик-репатриант должен следить за объяснениями учителя, но практически не успевает их понимать, так как слышит очень много незнакомых ему слов. По рассказам одного из учеников, преподавательница велела ему слушать и списывать то, что она пишет на доске, а потом переводить дома со словарем и постараться понять смысл урока. Во многих школах Хельсинки, где учились репатрианты, для них стали устраивать дополнительные языковые занятия после уроков.

Обучение в финских школах, во всяком случае в первые годы, было большим испытанием для подростков-репатриантов. Это было время как очень напряженного учебного процесса, так и одиночества, поскольку никаких контактов с другими учениками класса не возникало. Неудивительно, что опрошенные исследователями

подростки свой первый год учебы в финской школе вспоминают без энтузиазма. Характерно и то, что дома они ничего о своих переживаниях не говорили. Один молодой человек рассказывал, что это был, может быть, самый тяжелый год за всю его жизнь, в школе он был в полном одиночестве. Затем перешел в другую школу, где встретил в классе одного из репатриантов и ему стало легче³⁹.

Для того, чтобы облегчить учебу для детей иностранцев разного статуса, плохо владеющих финским языком, в том числе и для детей репатриантов, была сделана попытка организовать для них отдельные классы. Одним из аргументов проведения этого эксперимента стало то, что наряду с недостаточным знанием языка у этих детей вообще был иной быт и домашняя жизнь⁴⁰. Последнее положение в принципе совершенно правильно. У многих подростков, опрошенных в школах, родители были безработными (50 %). Эти дети не имели материальных возможностей заниматься спортом или принимать участия в экскурсиях. К тому же их учебная нагрузка вследствие интенсивного изучения финского языка была большей, чем у финских детей.

Одна из наших респонденток, посещавшая занятия по финскому языку в Инкери-кескус, сказала, что дома ее дочь почти все время занята подготовкой уроков и больше всего времени уходит именно на финский язык. Свободного времени у нее практически нет.

Однако многие родители детей, которые начинали учиться в группах для иностранцев, не были довольны таким вариантом обучения. Они считали, и не без основания, что в среде учащихся, плохо знающих финский язык, никогда хорошо по-фински не заговоришь. Правда, в таком крупном городе, как Хельсинки, ситуация с обучением детей репатриантов и мигрантов смягчается благодаря тому, что их там много. При этом значительная их часть живет в юго-восточных районах столицы, где легче снять дешевую муниципальную квартиру. Там в школах обычны смешанные классы, дети привыкают к тому, что у

разных народов разные обычаи, и отношения между учениками различных национальностей не имеют напряженного характера. Этому способствуют и учителя, приучающие детей к мысли об их равноценности вне зависимости от цвета кожи, родного языка и обычаев. Такое воспитание детей в принципе необходимо во всех школах. Во всяком случае дети репатриантов в первые годы тяжело переживали отношение к себе соучеников-финнов, которые принимали их достаточно «прохладно».

Как рассказал один из опрошенных: «Когда пошел в школу, с финнами была проблема, они не пытались драться или ссориться, но если кто-то проходил мимо, то скажет «рюсся» (презрительно-враждебное прозвище русских). Другой отозвался так: «Они просто не замечали меня, я был этим так разочарован, внутри меня была печаль...». Некоторые относились к такому положению спокойнее, считая, что, может быть, и сами вели бы себя в подобной ситуации аналогично: у финнов уже сложились свои компании и им не было дела до новичков-репатриантов. Итогом была, конечно, изолированность детей репатриантов, которую они преодолевали, держась вместе: «Мы, русские, держимся вместе, ходим своей компанией»⁴¹.

О судьбе репатриантов-подростков опубликованы интересные материалы Х. Ромакканиеми, сотрудником Министерства иностранных дел, который занимался проблемами учащейся молодежи непосредственно по их прибытии в Финляндию в середине 1990 г. Он решил провести опрос своих «клиентов» через 2–3 года после их переселения. Из 23-х человек, приглашенных им на вторичную встречу, откликнулось 14 (при этом двое за это время уехали обратно, один находился в больнице). Из числа пришедших половина были юноши, половина – девушки. Девять из них были переселенцами из Эстонии и пятеро – из России. Первое, что отметил чиновник, все они говорили по-фински уже по меньшей мере удовлетворительно. Положение их ко времени второй встречи было различным: трое еще учились в средней школе (reuskoulu), двое – в гимназических классах (lukio), еще один также в высшем классе, но на вечернем отделении. Двое были уже

в торговой школе, 1 – в университете, 2 человека – на курсах профессиональной подготовки, один работал, двое были безработными.

При этой вторичной беседе молодежь говорила, во-первых, о том, что они по приезде в Финляндию получили недостаточную информацию о системах обучения и трудоустройства. Один сказал даже более точно: сведений он по приезде получил немало, но теперь ему ясно, что спрашивать нужно было больше, чего он не сумел тогда сделать⁴².

Вторым единодушным мнением было то, что первый год пребывания в стране оказался крайне трудным, это было «сражение за продвижение вперед». Тяжесть ситуации складывалась из незнания языка, одиночества, негативного отношения со стороны окружения. Легче стало, когда улучшилось знание языка, завязались какие-то новые контакты (главным образом с такими же репатриантами). Большая часть опрошенных жила с родителями, только четверо «отделились», снимая квартиру или помещение в общежитии.

Одним из существенных был вопрос о том, как рисовались опрошенным их дальнейшие судьбы. Нужно заметить, что в среде финских исследователей бытовало, а, возможно, еще и бытует, мнение, что репатрианты страдают безынициативностью – они привыкли к тому, что за них думают и их судьбой распоряжаются различные государственные и общественные институты⁴³.

Однако, по мнению Ромакканиеми, «его группе» такие жизненные установки не были свойственны. Напротив, молодежь говорила о том, что успех в жизни зависит от самого человека: «Если ты не можешь быть хозяином своей жизни и ее переустройства, то никто за тебя этого не сделает». Один из опрошиваемых сопоставил по имеющимся перспективам свое положение в Эстонии и в Финляндии: там он продолжал бы заниматься все той же рутинной работой (на аэродроме) и не имел бы никаких возможностей при этом учиться, «здесь все зависит от меня самого». Он намеревался продолжать учить язык и наде-

ялся, что сможет получить потом хорошую работу. В целом все смотрели в будущее с оптимизмом, хотя, по мнению самого исследователя, те двое, что прошли переподготовку, но не могли еще получить постоянной работы, в плане перспектив попадали в «группу риска», к которой относилось и значительное число безработных старшего работоспособного возраста. Другие исследователи также отмечают, что учащиеся и люди, прибывшие недавно, смотрят на будущее более оптимистично, чем те, кто уже несколько лет живет в Финляндии, не имея работы⁴⁴.

Следует сказать, что те, кого мы опрашивали лично, считали (практически все), что свои жизненные проблемы в Финляндии они должны решать сами. Контингент опрашиваемых состоял в основном из людей 25–35-летнего возраста, относительно недавно переехавших в Финляндию. До переезда они прослушали лекции о социальной системе страны, но, разумеется, теоретическое ознакомление значительно отличается от того, которое они получили при реальном столкновении с этой системой. Недостаточным у многих было и знание языка. Среди обучавшихся (языковые курсы имеют две группы – для начинающих и «продвинутых») были не только репатрианты, но и приехавшие с ними члены их семей и др. Некоторые из опрашиваемых были в достаточно сложном положении. Так, две женщины приехали, выйдя замуж за финнов. Только на месте выяснилось, что совместная жизнь невозможна: один из мужей, как оказалось, страдает шизофренией, другой – алкоголизмом. Обе женщины работали на «черной работе», но считали, что, подучив язык, они смогут устроиться лучше. Несколько человек сказали, что им особенно нравится возможность и работать, и учиться, поскольку это должно помочь в дальнейшем найти хорошую работу.

Итак, проблема трудоустройства в годы экономического кризиса была достаточно сложной, не может она считаться решенной и сегодня, но репатрианты отнюдь не считали, что их проблемы будет решать за них кто-то другой.

Возвращаясь к теме школьного образования, следует сказать еще об одной проблеме, которая в некоторых европейских странах стоит весьма остро, а в Финляндии решается, с нашей точки зрения, достаточно результативно. Это мероприятия, направленные на сохранение родного или «домашнего» языка в семьях репатриантов с помощью школы. В официальном плане эта политика определяется тем, что в Финляндии с 1998 г. действует принятый Советом Европы рамочный договор об охране национальных меньшинств и нормы Европейской хартии о языках национальных и региональных меньшинств. В Финляндии в число последних входят русский, татарский и идиш⁴⁵. Что же касается семей репатриантов, то для них стоит вопрос и об эстонском языке.

На бытовом уровне проблема изучения домашнего языка, в первую очередь, возникла в семьях со смешанным национальным составом и инициатором обучения ему в школе обычно выступали матери. Их пожелания сводились к тому, чтобы ребенок, как минимум, умел читать и писать на том языке, который был у него в семье разговорным. Иногда, как показали материалы опросов, дети относительно быстро осваивают финскую речь, которую плохо понимают некоторые члены их семьи. Но в основном большая часть репатриантов считает необходимым, чтобы дети были двуязычными.

Обучение русскому языку в Финляндии велось и ранее в нескольких гимназиях, но оно было ориентировано на обучение финнов. Разумеется, организация уроков русского языка в школах зависела как от числа детей репатриантов в том или ином муниципалитете, так и от его бюджета. Например, в Хельсинки в конце 1990-х гг. значилось свыше 600 детей школьного возраста с родным русским языком и свыше 250 – с эстонским. Русский язык преподавался там в ряде школ по нормам иностранного языка, на специальных уроках. В г. Лапсенранта, в котором примерно 60 тыс. жителей, таких детей было всего 56. Поэтому преподавание русского языка велось по окончании уроков в одной из школ, ку-

да съезжались все учащиеся. Учитывая малые размеры города, это не представляло особых трудностей⁴⁶.

В настоящее время в Хельсинки работает финско-русская школа, где обучение и внешкольные занятия ведутся на двух языках, причем на старшей ступени в программу входит расширенный курс русского языка и литературы, и предназначена школа в основном для финских детей. В 2002 г. в ней училось 545 финноязычных и 145 русскоязычных детей и подростков. За счет специального фонда создана финско-русская школа в Восточной Финляндии, имеющая подразделения в гг. Иматра, Йозенсуу и Лапеенранта. В них три четверти учеников составляют финны и четверть – русские⁴⁷.

Опросы показали также, что в ряде профессиональных училищ средней ступени обучение проводится на русском языке, так как в них довольно много русскоязычных учащихся. Но обучения в них русскому языку, как правило, не ведется⁴⁸. В целом можно констатировать, что проблема сохранения русского языка в рамках школьного обучения идет, в основном, на уровне его преподавания как одного из иностранных языков, что в целом соответствует желаниям репатриантов.

Наиболее благополучно, судя по имеющимся у нас материалам, положение с детьми дошкольного возраста из семей репатриантов. Их обеспечение детскими учреждениями проводится муниципалитетами в первую очередь, поскольку учитывается высокий процент занятости женщин из этих семей в общественном труде (хотя он достаточно высок и у финнов). По данным обследования, проведенного в г. Ювяскюля в 1997 г., видно, что там были приняты меры для того, чтобы дети имели возможность с ранних лет начать адаптацию к новому обществу⁴⁹. Выбор группы, в которую помещался ребенок, зависел от желания родителей, и при этом для ребенка с нефинским домашним языком предоставлялись различные возможности: либо чисто финская группа детей, либо смешанная – с русским или эстонским домашним языком. При этом считалось правильным, чтобы де-

ти с домашним нефинским языком не оказывались в финской группе в единственном числе, поскольку в этом случае у них затормаживалось развитие домашнего языка.

В одном из детских садов была организована группа, в которой воспитатель знал русский язык. Разговаривая с детьми в основном по-фински, он давал при этом объяснения и на русском языке. Для детей старшего дошкольного возраста, которым предстояло на следующий год идти в школу, в детских садах организовывались специальные занятия финским языком, детей из смешанных групп переводили в финские, чтобы они осваивали язык своих сверстников. Кроме того, учитывалось, что при поступлении в школу они уже будут иметь знакомых детей в классе, что облегчит им адаптацию в новой среде.

В Хельсинки, где дошкольников с нефинским языком было значительно больше, ситуация несколько отличается. В столице, причем преимущественно в ее юго-восточных районах, живет немало репатриантов и других мигрантов разного статуса, включая беженцев из Албании, Сомали, Вьетнама и др. Там в дошкольных учреждениях организовывались смешанные языковые группы. Дети репатриантов в районах Лейпури и Сахрама перед поступлением в школу могли посещать в детском саду смешанную русско-финскую группу. Там с ними проводились специальные занятия по финскому языку. В этих детских садах работали воспитатели, знающие и русский, и финский язык. Детский сад «Калинка», в котором также были двуязычные воспитатели, известен тем, что там применялись специальные методики изучения детьми финского языка в ходе игр. Преобладающий состав детей в момент обследования был финский. В настоящее время в Хельсинки работают 7 русских или финско-русских детских садов: «Калинка» (84 места), «Теремок» (90 мест), «Матрешка» (24 места), «Мишка» (16 мест) и три детсада кооператива Иделия (45 мест)⁵⁰.

То, что дети, начинающие свою жизнь в финской среде, еще в дошкольном возрасте имеют наилучшие предпосылки для

безболезненного вхождения в общественную жизнь и трудовую деятельность, не требует, разумеется, особых доказательств. Но существенно в данном случае то, что местными властями было сделано немало, чтобы дети усваивали финский язык в общении с финноязычными сверстниками и завязывали с ними дружеские контакты. Особо следует отметить, что были приняты меры, чтобы дети репатриантов не забывали свой домашний язык, сохраняющийся у приезжих, особенно в смешанных семьях.

* * *

Все, изложенное выше, касается, в первую очередь, проблем материального и социального обеспечения финнов-репатриантов, но именно это в значительной мере определяло, во всяком случае в первые годы, и ход их адаптации на исторической родине. В 1990-е гг. этнологи проявляли немалый интерес к этой проблеме, причем для исследований того времени довольно распространенным стал лозунг «встречи культур». В целом он не вызывает возражений, поскольку понятие «культура» достаточно широко. На первом этапе процесса репатриации важнейшими вопросами включения репатриантов в общество были, с одной стороны, их адаптация к новым социальным условиям, с другой – языковые проблемы, которые можно отнести и к области культурных различий. Однако трудности адаптации репатриантов усугубляются и другим явлением, которое, если и имеет корни в определенном слое культуры, то на бытовом уровне может быть квалифицировано и иначе. Это – очевидные факты весьма недоверчивого, а часто и явно неприязненного отношения к репатриантам со стороны финского общества. Определенное недоброжелательство к себе встречали переселенцы как в повседневном быту, так и при контактах с официальными лицами. Правда, сами репатрианты на это не жаловались, рассказывали только о трудностях, возникавших при выяснении у чиновников своих прав и особенностей системы социальной защиты. В какой-то ме-

ре они относили это за счет своего недостаточного знания языка. Отношение же к репатриантам принимающей стороны было неоднозначным. У чиновников Министерства иностранных дел оно было в целом благожелательным и ориентированным на перспективы. Так, одна из опрошенных сотрудниц считала, что приезжим следует давать хорошие разъяснения и тогда не будет никаких проблем. Другой, выразив мнение, что вопросами приема репатриантов следует серьезно заниматься, отметил, что молодые люди часто хорошо образованы, хотят учиться и работать, если им это будет предложено⁵¹.

Однако работники различных социальных служб были настроены иначе, довольно непривлекательно рисуя образ приезжих: «Большая часть трудные..., требовательные..., неблагодарные, все им нужно скорее...»⁵². По данным опроса, каждый третий муниципальный служащий относится к репатриантам негативно. На вопрос, как они оценивают работу с репатриантами и что можно сделать для ее улучшения, ответы были такого рода: «В первую очередь, следует обслуживать финнов» или «Их и так слишком много обслуживают», «Сюда и так едет слишком много... Следует закрыть границу и привести в порядок собственные дела».

Авторы обследования не могли не прийти к выводу, что для этих чиновников характерна определенная предубежденность и что им следует лучше понимать ситуацию, в которой находятся переселенцы, быть объективными и действовать без лишних эмоций⁵³. В годы экономического упадка и общей безработицы в стране у работодателей отношение к репатриантам было аналогичным тому, которое имели чиновники: сначала нужно обеспечить работой «своих».

В ходе времени многие проблемы стали менее острыми, однако, нельзя сказать, что они разрешены. В числе государственных действий по разрешению проблем с репатриантами (как и другими иммигрантами) было принятие закона об интеграции, который вступил в силу в 1999 г. Интеграция – понятие весьма сложное и широкое,

но в данном конкретном случае в законе достаточно четко определялась поставленная задача: индивидуальное развитие иммигранта с целью участия в трудовой жизни и деятельности общества с условием сохранения своего языка и культуры⁵⁴.

Осуществление закона должно было проводиться официальными органами и с помощью специально выделяемых ресурсов. Министерство труда и центры трудовых ресурсов и предпринимательства должны были контролировать этот процесс, а Биржа труда отвечать за оказание услуг по трудоустройству. Муниципальным органам предлагалось участвовать в разработке программ занятости людей, в которые входят, в первую очередь, обучение и трудовая практика переселенцев. Таким образом, закон направлен в основном на включение репатриантов в сферы образования и труда, что, разумеется, в значительной мере определяет их интеграцию в общество, но отнюдь не означает подлинного включения в среду «аборигенов». Вряд ли последнее вообще может быть достигнуто законодательным путем.

За прошедшее время выяснилось, что закон вообще оказался всего лишь декларацией. Так, весной 2002 г. в парламент поступил доклад об исполнении закона, в котором констатировалось, что средства на его осуществление не были включены в государственный бюджет, а также тот факт, что муниципальные органы не готовы взять на себя ответственность за его исполнение. В настоящее время рабочая группа при Советательной комиссии по этническим отношениям ведет контроль за необходимыми доработками и дальнейшими судьбами этого закона⁵⁵. Проведение его в жизнь, вероятно, принесет определенные улучшения в трудоустройство русскоязычного населения, так как в нем предусмотрены различные меры по их профессиональной и языковой подготовке. Эта проблема пока никак не может считаться решенной. Несмотря на стабилизацию экономики, в настоящее время около 22 % русскоязычного населения не имеет работы. Отмечено, что работодатели с недоверием относятся к иностранным дипломам и получение фин-

ляндских свидетельств облегчило бы трудоустройство. Разумеется, хорошее знание финского языка вызывает также большее доверие к степени профессиональной компетенции человека.

Работа уже сама по себе в значительной мере способствует интеграции человека в общество, развитию внесемейных контактов, а также содействует его душевной стабильности, повышает самооценку. Но при этом интеграция репатрианта в финляндское общество предполагает и наличие у этого общества желания принять его в свою среду. К сожалению, трудности в этом вопросе возникли на самом начальном этапе появления финнов-репатриантов из Советского Союза и сохраняются до сих пор. При изучении установок по отношению к различным иммигрантам выяснилось, что наиболее приемлемыми финны считают переселенцев из Скандинавии и англосаксов. В прошлом также относились и к финнам-ингерманландцам, которые жили в Финляндии со времен революции или переселились в 1940-е гг. Но затем отношение к ним стало меняться, причем, по мнению финляндских исследователей, с 1987 г., то есть еще до начала репатриации. Опросы же 1998 г. перевели их на третье место с конца: наряду с арабами и сомалийцами русскоязычные иммигранты, основную часть которых составляют репатрианты, входят в число наиболее нежелательных переселенцев⁵⁶.

В значительной мере это негативное отношение обуславливалось именно русским языком, владеющие финским языком испытывали меньше дискриминации. Можно в связи с этим привести некоторые данные, полученные финляндскими исследователями при различных опросах. По этим материалам, среди репатриантской молодежи 20 % ощущало неприятие со стороны основного населения и 45 % считало, что основное население вело себя отрицательно по отношению к ним⁵⁷. В ряде опрошенных организаций отмечали трудности, переживаемые русскоязычными детьми в школе.

По нашим данным, русские, эстонцы и ингерманландские финны не решаются говорить публично по-русски. Финны-ре-

патрианты избегают в незнакомых местах без особой нужды говорить и по-фински, поскольку у них сохраняются неправильности и диалектизмы в языке. Кроме того, люди считают, что из-за русской речи их могут принять за преступников. Уже в первые годы репатриации распространялись слухи о преступных шайках русскоязычных подростков. В те годы полиция Хельсинки выступала даже со специальным опровержением, поскольку на подозрении у них была лишь одна сомнительная группа русскоязычных подростков, что отнюдь не выходило за общие нормы по городу. Однако СМИ и сегодня в известной мере содействует распространению таких представлений. В криминальных новостях чаще всего упоминаются в качестве виновных русские и эстонцы, причем не сообщается, относятся ли преступники к жителям Фин-

ляндии или это временно находящиеся в стране лица⁵⁸.

* * *

С начала прибытия в Финляндию первых репатриантов прошло более десяти лет. Ранние переселенцы, включая русско- или эстоноязычных, за это время в основной своей массе уже адаптировались к новой среде, справились с языковой проблемой. Для многих из них эти первоначальные трудности отошли в прошлое. Но проблема интеграции не может считаться решенной ни для них, ни тем более для вновь приезжающих в Финляндию репатриантов. А таковых предполагается еще немало число: в 2003 г. разрешения на въезд ожидало примерно 19 тыс. чел. Таким образом, проблемы адаптации и интеграции репатриантов еще долго останутся актуальными.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Бирин В.Н. Финны в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991; Такала И.Р. Финны-иммигранты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 95–128.

² Haltsonen S. Entistä Inkeriä // Tietolipas 36. SKS. Helsinki, 1965. S. 28–30; Шлыгина Н.В. Религиозная ситуация в Ингерманландии в конце XVII в. (по материалам дневника Ю. Гезелиуса) // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 100–109.

³ Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России (перв. пол. XVIII в.). М., 1964. С. 102–103; Суни Л.В. Ингерманландские финны: исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 7–11.

⁴ Бирин В.Н. Указ. соч. С. 5, 15–18, 24–26; Такала И.Р. Указ. соч. С. 99.

⁵ Цит. по: Такала И.Р. Указ. соч. С. 102.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Подробнее см.: Неваляинен П. Изгой. СПб., 2003. С. 45 и сл.

⁸ Там же. С. 65–70.

⁹ Суни Л.В. Указ. соч. С. 15; Такала И.Р. Указ. соч. С. 104–110.

¹⁰ Такала И.Р. Указ. соч. С. 110.

¹¹ См.: Суни Л.В. Указ. соч. С. 18–19.

¹² Konkka U. Korosenmäeltä Jäämeren rannoille // Carelia. 1996. 12. Petroskoi. S. 125–140.

¹³ Суни Л.В. Указ. соч. С. 20.

¹⁴ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940 – luvulla. Keuru 1990. S. 35.

¹⁵ Op. cit. S. 39.

¹⁶ Шлыгина Н.В. Финляндская литература о переселении финнов-ингерманландцев в Финляндию в

годы Второй мировой войны // Этнографическое обозрение. 1996. № 5.

¹⁷ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki... S. 38.

¹⁸ Op. cit. S. 53.

¹⁹ Op. cit. S. 38.

²⁰ Davydova O. Suomen kynnyksellä // Idäntutkimus. 2003. № 3. Helsinki. S. 57.

²¹ Takalo P., Juote M. Inkerinsuomalaiset. Helsinki, 1965. S. 55.

²² Вопросы русскоязычного населения Финляндии. 2002: Отчет временной рабочей группы при совещательной комиссии по этническим отношениям. Хельсинки, 2003. С. 8–9, 13.

²³ Мутанен П. Спета ли ингерманландская песенка? // Прибалтийско-финские народы / Сост. М. Йокиппи. Ювяскюля, 1995. С. 234.

²⁴ В Финляндии существуют несколько культурных объединений финнов-ингерманландцев, возникших еще в 1930-е гг. (Suomen Inkeri-liito, Suomi-Inkeri-seura и др.). Ингерманландский центр – новое объединение, основанное в 1990-е гг. в связи с появлением репатриантов. Работа Центра ориентирована на разностороннюю помощь переселенцам, при нем организованы, в частности, курсы финского языка, с 2000 г. работает Юридическая консультация для репатриантов (Maahanmuuttajien neuvola). Приношу мою искреннюю благодарность сотрудникам Центра за оказанную мне помощь при опросе репатриантов и консультации.

²⁵ Liesvuori L. Pomoell R. Inkeri-projektin aarvionti. Helsinki, 1994.

²⁶ Вопросы русскоязычного населения Финляндии. С. 22.

- ²⁷ *Hyttinen R., Tikkanen A.* Inkerinsuomalaiset vanhuksset Helsingissä // *Inkerinsuomalaiset kunnassa*. 1997. S. 87.
- ²⁸ *Pitkänen M., Tomperi T.* Inkerinsuomalaisten palvelut elämänkaaren eri vaiheissa // *Inkerinsuomalaiset kunnassa*. 1997. S. 65.
- ²⁹ Максимальная дотация, которую мог получать в это время репатриант пенсионного возраста, – 493 евро.
- ³⁰ *Hyttinen R., Tikkanen A.* Op. cit. S. 95; *Takalo P., Juote M.* Op. cit. S. 75.
- ³¹ *Takalo P., Juote M.* Op. cit. S. 50.
- ³² Вопросы русскоязычного населения Финляндии. С. 19.
- ³³ Высшее образование, полученное за рубежом, признается в Финляндии с 1987 г., но это требует прохождения проверки дипломов в индивидуальном порядке. По имеющимся данным, в период с 1987 по 1997 гг. было признано 1760 дипломов, полученных в бывшем СССР, с 1997 по 2002 гг. – 1460 иностранных диплома, из них 36 % из бывшего СССР (15 % из России и 3 % из Эстонии). Это не касается медицинских дипломов, для их признания требуется сложная процедура.
- ³⁴ *Takalo P., Juote M.* Op. cit. S. 71.
- ³⁵ *Pitkänen M., Tomperi T.* Op. cit. S. 59.
- ³⁶ *Lammi-Nieminen T.* Inkerinsuomalaiset paluumuuttajat Jyväskylässä – työstä ja työttömyyden kokemisesta // *Inkerinsuomalaiset kunnassa*. 1997, S. 57.
- ³⁷ Вопросы русскоязычного населения Финляндии. С. 24, 28.
- ³⁸ *Romakkaniemi H.* Inkerinsuomalaiset paluumuuttajanuoret pääkaupungissa // *Inkerinsuomalaiset kunnassa*. 1997. S. 74.
- ³⁹ *Ibidem.*
- ⁴⁰ *Ibidem.*
- ⁴¹ *Pitkänen M., Tomperi T.* Op. cit. S. 57.
- ⁴² *Romakkaniemi H.* Op. cit. S. 78.
- ⁴³ *Ibid.* S. 79.
- ⁴⁴ *Ibid.* S. 70–80.
- ⁴⁵ Вопросы русскоязычного населения Финляндии. С. 10.
- ⁴⁶ Данными об изучении эстонского языка в школах мы, к сожалению, не располагаем.
- ⁴⁷ Вопросы русскоязычного населения Финляндии. С. 34.
- ⁴⁸ Там же. С. 3, 19.
- ⁴⁹ *Pitkänen M., Tomperi T.* Op. cit. S. 51–54.
- ⁵⁰ *Pitkänen M., Tomperi T.* Op. cit. S. 39; Вопросы русскоязычного населения Финляндии. С. 34–35, 45.
- ⁵¹ *Takalo P., Juote M.* Op. cit. S. 71.
- ⁵² *Ibid.* S. 71.
- ⁵³ *Ibid.* S. 73–74.
- ⁵⁴ Вопросы русскоязычного населения Финляндии. С. 14.
- ⁵⁵ Там же. С. 15.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Данные Ясинской-Лахти, см.: Вопросы русскоязычного населения Финляндии. С. 27.
- ⁵⁸ Там же. С. 28.